

Samir SATTAROV

Национальная Академия Наук Азербайджана

e-mail: samir@bk.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6380-0230>

<https://doi.org/10.59849/2309-7949.2025.4.100>

**СЕРАЯ ШАПШАЛ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВОСТОКОВЕДА**

Ключевые слова: Серая Шапшал, тюркология, азербайджанский фольклор, Южный Азербайджан, польское востоковедение, устная народная литература, жанровая типология, баяты, герайлы, теснифы, лексикография.

**SERAYA ŞAPŞAL VƏ ONUN AZƏRBAYCAN XALQ ƏDƏBIYYATININ
ÖYRƏNİLMƏSİNƏ TÖHFƏSİ: GÖRKƏMLİ ŞƏRQŞÜNASIN ELMI İRSİ
XÜLASƏ**

Bu məqalədə görkəmli Polşa şərqşünası və karaim əsilli türkoloq Seray Markoviç Şapşalın (1873–1961) elmi irsi araşdırılır. Onun "Fars Azərbaycanı Türklərinin Xalq Ədəbiyyatını Yenidən Yaratmaq Cəhdləri" (Krakov, 1935) adlı mühüm əsərinin təhlilinə əsaslanan bu məqalədə onun 20-ci əsrin birinci yarısında Avropa Azərbaycanşünaslığının inkişafındakı rolu araşdırılır. Bu məqalədə Şapşalın geniş coğrafi ərazidə Cənubi Azərbaycanda Azərbaycan folklorunun sistemli sahə tədqiqatı aparması ilə yanaşı, Qərbi Avropa tədqiqatlarında Azərbaycan xalq poeziyasının ilk janrtipoloji təhlilini də apardığı göstərilir. Əsərin mənbəşünaslıq əhəmiyyətinə, orijinal leksikoqrafik aparatına - Azərbaycan-Polşa-Alman lüğətinə - eləcə də Şapşalın Polşa şərqşünaslığı tarixindəki yerinə və regional xalq ənənəsi ilə Avropa akademik diskursu arasında vasitəçi roluna xüsusi diqqət yetirilir.

Açar sözlər: Qrey Şapşal, Türkologiya, Azərbaycan folkloru, Cənubi Azərbaycan, Polşa şərqşünaslığı, şifahi xalq ədəbiyyatı, janr tipologiyası, bayatılar, gəraylı, təsniflər, leksikoqrafiya.

**SERAYA SHAPSHAL AND HIS CONTRIBUTION TO THE STUDY
OF AZERBAIJANI FOLK LITERATURE: THE SCIENTIFIC HERITAGE
OF AN OUTSTANDING ORIENTALIST
SUMMARY**

This article examines the scholarly legacy of Serai Markovich Shapshal (1873–1961), a distinguished Polish orientalist and Turkologist of Karaite descent. Based on an analysis of his seminal work, "Attempts to Recreate the Folk Literature of the Turks of Persian Azerbaijan" (Krakov, 1935), this article examines his role in the development of European Azerbaijani studies in the first half of the 20th century. It demonstrates that Shapshal not only conducted a systematic fieldwork recording of Azerbaijani folklore in Southern Azerbaijan across a broad geographical area but also undertook the first genre-typological analysis of Azerbaijani folk poetry in Western European scholarship. Particular attention is given to the source study significance of the work, its original lexicographic apparatus—an Azerbaijani-Polish-German dictionary—as well as Shapshal's place in the history of Polish Oriental studies and his role as a mediator between regional folk tradition and European academic discourse.

Keywords: Gray Shapshal, Turkology, Azerbaijani folklore, Southern Azerbaijan, Polish Oriental studies, oral folk literature, genre typology, bayatis, gerayli, tesnifs, lexicography.

История изучения азербайджанской народной литературы в Европе насчитывает несколько этапов, каждый из которых определялся как интеллектуальными запросами эпохи, так и конкретными учёными, придавшими исследовательскому процессу системный характер. На рубеже XIX–XX веков европейская тюркология переживала период активного собирания и первичной классификации фольклорных материалов тюркских народов.[3, р. 45–67] Этот процесс разворачивался в широком контексте позитивистского интереса к «живой» народной словесности — интереса, стимулированного романтической традицией и кристаллизовавшегося в деятельности таких институтов, как Польская академия знаний, Венское востоковедное общество и многочисленные университетские кафедры ориенталистики.

В рамках этого процесса особое место занимает деятельность польских учёных-востоковедов, чей вклад в науку долгое время оставался недооценённым в широкой академической среде. Польская тюркология, сложившаяся на пересечении нескольких традиций — немецкой, французской и русской ориенталистики, — выработала самобытный исследовательский стиль, сочетавший текстологическую строгость с глубоким этнографическим интересом.[10] Именно в этой среде формировался научный облик Сергея Марковича Шапшала.

Центральной фигурой данного этапа по праву считается Сергей Шапшал — учёный, чья биография сама по себе представляет исключительный интерес. Выходец из среды крымских караимов, носитель нескольких тюркских языков, религиозный лидер и одновременно академический исследователь, он занимал уникальное положение на пересечении культур и научных традиций. Именно эта укоренённость в живой тюркской среде определила качественное отличие его трудов от работ учёных, изучавших тюркские языки исключительно по письменным источникам.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ научного наследия Шапшала в области азербайджанистики — прежде всего его фундаментального труда 1935 года, — а также определение его места в истории европейского востоковедения, польской тюркологии и мировой фольклористики. Задачами исследования служат: реконструкция биографического и институционального контекста деятельности учёного; анализ состава, методологии и научного значения его главного труда; оценка лексикографического вклада; выявление долгосрочного влияния на развитие азербайджанистики.

Актуальность темы обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, в последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к истории ориенталистики и к судьбам её «малых традиций» — национальных школ, чей вклад в мировую науку нередко растворялся в тени крупнейших центров. Во-вторых, наследие Шапшала по-прежнему остаётся частично неопубликованным или малоизвестным, что делает его изучение насущной научной задачей.

Серая Маркович Шапшал родился в 1873 году в Бахчисарае — историческом центре крымского татарского и одновременно крымскокараимского мира. [4, S. 11–28] Бахчисарай был городом, где пересекались несколько языковых и культурных пространств: тюркское, еврейско-средиземноморское и русско-имперское. Это многоязычное окружение с детства формировало у Шапшала исключительно острое языковое чутьё и способность к удержанию нескольких культурных перспектив одновременно.

Крымские (и шире — тюркоязычные) караимы являлись особой этно-религиозной общиной, исповедовавшей форму иудаизма, отвергающую раввинистическую традицию, однако говорившей и писавшей на тюркском языке. Принадлежность к этой общине означала органичное владение тюркским языком как родным — что принципиально отличало Шапшала от большинства европейских тюркологов его поколения, приходивших к тюркским языкам через классическое востоковедное образование.

Научное образование Шапшал получил в Санкт-Петербургском университете, в то время одном из ведущих центров ориенталистики в Российской империи.[7, с. 5–22] Здесь он изучал тюркские языки, персидский, арабский и историю Востока. Петербургская школа востоковедения оказала на него значительное влияние: именно здесь он усвоил ту текстологическую строгость и внимание к первоисточнику, которые столь явственно ощущаются в его позднейших работах.

После установления независимой Польши Шапшал связал свою деятельность с польской академической средой, прежде всего с Польской академией знаний (*Polska Akademia Umiejętności*) в Кракове — старейшим польским научным учреждением, основанным ещё в 1872 году. Именно под эгидой ПАУ был в 1935 году опубликован его главный труд.[9] В разное время Шапшал также сотрудничал с Виленским университетом (*Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie*), что вписывало его деятельность в широкий контекст культурной жизни Второй Польской республики.[1, S. 234–241]

Параллельно с академической деятельностью Шапшал занимал пост хахама — высшего религиозного и духовного руководителя — крымских и галицийских («тюркских») караимов. Это положение обеспечивало ему уникальный доступ к источникам: как религиозный лидер он пользовался доверием различных тюркских общин, что открывало двери, закрытые для внешнего наблюдателя. Вместе с тем двойная роль создавала определённую интеллектуальную и личную напряжённость: религиозный авторитет и академический исследователь — социальные роли, предполагающие разные отношения к традиции и к объективности.[4, S. 12–14]

Научная карьера Шапшала охватила период колоссальных исторических потрясений — Первую мировую войну, революцию в России, становление независимой Польши, Вторую мировую войну и послевоенную совет-

скую реальность (в которой он оказался после 1940 года, когда Литва была включена в состав СССР). Эта биография — траектория человека, перемещавшегося между империями и режимами, — сама по себе является свидетельством эпохи и определяла как тематику, так и условия его научной работы.

Ключевым опытом, определившим научный облик Шапшала-азербайджаниста, стали его полевые поездки в Южный Азербайджан — регион, исторически входивший в состав Персии (Иран). Точные даты и маршруты всех экспедиций не всегда поддаются точной реконструкции по имеющимся источникам, однако несомненно, что он лично посетил Тебриз, Урмию, Марагу, Ардебиль, Сераб, Джульфу, Миян, Зенджан и многие окрестные сёла.[9] Этот географический охват исключителен: он свидетельствует о системном, а не случайном характере собирательской работы — учёный явно стремился охватить весь ареал бытования азербайджанского языка на территории Иранского Азербайджана, а не ограничиться столичным Тебризом.

Работа в полевых условиях предполагала не только запись текстов, но и непосредственное общение с носителями традиции — сказителями, певцами, рассказчиками, — что требовало глубокого знания языка и культуры, а также умения завоёвывать доверие информантов. В этом отношении Шапшал обладал неоспоримыми преимуществами перед большинством своих коллег-европейцев.

В 1935 году в Кракове в издании Польской академии знаний был опубликован фундаментальный труд Шапшала «[Пробы воссоздания народной литературы тюрков Персидского Азербайджана].»[9] Само название уже свидетельствует об энциклопедическом замысле: книга включала оригинальные тексты на азербайджанском языке, их переводы на польский язык, вводные аналитические очерки и оригинальный трёхязычный словарь. Такая многоуровневая структура делала труд доступным сразу для нескольких категорий читателей: специалистов-тюркологов, фольклористов, историков и образованных читателей, интересовавшихся Востоком.

Труд стал итогом многолетней полевой работы учёного и представил европейскому читателю систематизированный корпус азербайджанского фольклора — один из первых в своём роде в западноевропейской науке. Важно подчеркнуть, что к 1935 году публикации подобного рода на западных языках были крайне редки: основной массив академических работ об азербайджанском фольклоре существовал на русском языке и был практически недоступен для германоязычной и франкоязычной аудитории.[1, S. 235]

Фольклорные материалы, включённые в издание, отличаются исключительным географическим охватом. Тексты были записаны в Тебризе — крупнейшем городе Иранского Азербайджана и его исторической столице; в Урмии, расположенной на западе региона и отличавшейся смешанным этническим составом населения; в Мараге — одном из древнейших городов края,

хранившем богатые культурные традиции; в Ардебиле — священном для многих тюркских народов городе, родине сефевидской династии; в Серабе, Джульфе, Мияне, Зенджане и в многочисленных окрестных сёлах.

Столь значительный географический охват принципиально важен с научной точки зрения: он позволял фиксировать региональные различия в фольклорной традиции, диалектные вариации языка, локальные жанровые предпочтения. Тем самым Шапшал охватил практически весь ареал расселения азербайджаноязычного населения Иранского Азербайджана, представив читателю не локальный, а панорамный и репрезентативный срез народной культуры.

В жанровом отношении собранный и опубликованный материал отличается не меньшим богатством. Издание включает: прозаические жанры — сказки (народные повествования с разветвлённым сюжетом, нередко включающие элементы волшебного и бытового), притчи (дидактические краткие нарративы, восходящие как к местной, так и к общеисламской традиции); малые жанры — загадки, пословицы, народные приметы; лирические и песенные жанры — теснифы, герайлы, баяты, дюбба; а также тексты эротического характера как особый функциональный пласт народной лирики.[2] [5]

Подобный охват свидетельствует о строгой академической методологии, основанной на принципе научной полноты. Шапшал целенаправленно фиксировал все функциональные пласты фольклора — от дидактического и обрядового до карнавального и эротического, — не ограничиваясь «удобными» образцами. Такой подход разительно контрастирует с практикой многих его современников, создававших «очищенные» сборники народной словесности для широкой аудитории.

Принципиально важным является то, что Сера Шапшал не ограничился публикацией текстов — он предпринял их систематический жанрово-типологический анализ. Это решение имело для европейской науки значение, трудно переоценимое: без аналитического введения иностранный читатель был бы лишён возможности понять, как те или иные тексты функционировали в народном быту, каким формальным критериям отвечали, как соотносились между собой. Шапшал выступил не только как собиратель, но и как интерпретатор — первый систематический интерпретатор азербайджанской народной поэзии для европейской аудитории. [4, S. 20–22]

Его аналитический подход сочетал внимание к формальным признакам жанра (метрике, строфике, схеме рифмовки) с интересом к функциональному контексту бытования — ситуациям исполнения, социальным ролям участников, связи с обрядом или повседневным бытом. Такое сочетание формального и функционального анализа предвосхищало методологические дискуссии, которые развернулись в фольклористике значительно позже.

Теснифы — жанр лирической песни, занимающий особое место в азербайджанской музыкально-поэтической традиции. Тяготея к городской и по-

лугородской культуре, тесниф нередко отличается изысканным стихосложением, богатой образной системой и высокой лирической интенсивностью. [6, s.112–135] Шапшал обращает особое внимание на интонационную и ритмическую специфику этого жанра, на его связь с исполнительской традицией — теснифы создавались в расчёте на вокальное исполнение и потому несли в себе музыкальную структуру. Учёный также отмечает лирический субъект тесниф — нередко женский, что являлось характерной чертой городской лирики.

Герайлы представляют собой строфическую форму народной лирики, характеризующуюся устойчивой схемой рифмовки и силлабическим ритмом. Это один из наиболее распространённых и формально устойчивых жанров азербайджанской ашугской поэзии: его структура предполагает определённое чередование строф с рефреном, восходящее к глубокой тюркской традиции. [6, S. 78–95] Шапшал анализирует структурные особенности герайлы в сравнении с родственными формами турецкой и туркменской лирики, тем самым вписывая азербайджанский жанр в широкую тюркскую типологию. Этот сравнительно-типологический аспект делает его анализ ценным не только для азербайджанистики, но и для тюркологии в целом.

Баяты — одна из наиболее распространённых и, по всей видимости, древнейших форм азербайджанской народной лирики. Представляя собой четырёхстрочное стихотворение (обычно с характерной схемой рифмовки *ааба* или *абаб*), баяты отличается афористической сжатостью и многозначностью, охватывая широкий спектр тематики — от любовной лирики и философских размышлений о судьбе до социальной сатиры и элегии. [2, с. 134–159]; [5, с. 88–102] Шапшал особо подчёркивает афористическую природу этого жанра и его важную социальную функцию: баяты создавались и исполнялись в самых разных жизненных ситуациях, служа и средством выражения личных чувств, и формой социальной коммуникации, и кодом коллективной памяти. Он также обращает внимание на специфическую технику «загадочного» начала баяты, когда первые строки содержат иносказание или загадку, разгадка которой содержится в заключительных строках.

Дюбба — менее изученный жанр, занимающий пограничное положение между лирикой и речитативом. Характеризуясь особым ритмическим рисунком, дюбба зачастую связана с игровой или состязательной функцией — она могла исполняться в ситуациях поэтического соревнования, на праздниках, в контексте молодёжных собраний. [9] Шапшал обратил внимание на этот жанр в то время, когда он практически не был описан в научной литературе, что придаёт его характеристике особую ценность первого систематического описания. Включение дюббы в число анализируемых жанров свидетельствует о широте научного кругозора учёного и его готовности работать с малоизученным и трудно поддающимся типологизации материалом.

Отдельного внимания заслуживает включение в корпус текстов эротического характера. В академической практике первой половины XX века этот жанр нередко игнорировался или замалчивался по соображениям приличия. Шапшал, следуя принципу научной полноты, последовательно применил его к полному жанровому спектру фольклора.[3, р. 52–54] Тем самым он предвосхитил позицию, которую позднее отстаивала теоретическая фольклористика: народная культура существует в том числе в регистрах, табуированных официальной культурой, и изъятие этих регистров из научного описания неизбежно искажает картину.

Особую научную ценность в составе издания представляет трёхязычный азербайджанско-польско-немецкий словарь – первый подобный лексикографический инструмент в европейской науке.[9] Его структура предполагала расположение лексических единиц азербайджанского языка в алфавитном порядке с указанием польских и немецких эквивалентов, а в необходимых случаях – с подробными семантическими комментариями.

Принципиально важно, что Шапшал не ограничился составлением простого переводного глоссария. Он подробно раскрыл значения и семантические оттенки ряда лексических единиц — слов, не имевших точных эквивалентов в европейских языках, культурно-специфических понятий, обозначений реалий народного быта и поэтической терминологии. Тем самым словарь приобрёл характер толкового, обладая как переводной, так и энциклопедической ценностью.

Словарь фиксировал живой разговорный азербайджанский язык первой трети XX века – не литературный стандарт, а диалектные и разговорные формы, бытовавшие в конкретных регионах Иранского Азербайджана.[5, с. 15–18] Это делает словарь ценнейшим источником для диалектологии: он фиксирует языковое состояние, предшествовавшее советскому периоду языковой стандартизации на севере и современным иранским языковым процессам на юге.

Особую значимость приобретает то обстоятельство, что в словаре отражён южноазербайджанский диалектный ареал — лингвистически отличный от северного (на территории нынешней Азербайджанской Республики) и значительно хуже представленный в академической литературе. По существу, словарь Шапшала по сей день остаётся одним из немногих систематических описаний лексики южноазербайджанских говоров этого периода.

Двойная ориентация словаря на польский и немецкий языки была стратегически значимым решением. Немецкий язык в первой половине XX века оставался главным языком международной науки, особенно в гуманитарных дисциплинах.[1, с.234] Включение немецких эквивалентов делало словарь доступным для широкой европейской аудитории — немецких, австрийских, швейцарских, а также венгерских, чешских и других исследователей, тради-

ционно владевших немецким. Тем самым труд Шапшала выходил за рамки национальной польской науки и обретал подлинно общеевропейское значение.

К моменту публикации книги Шапшала европейская наука располагала весьма ограниченными ресурсами для изучения азербайджанского фольклора. Основной массив систематических источников был сосредоточен в российской и советской академической традиции: труды В. В. Радлова по тюркским языкам[8], публикации Тифлисского кавказского музея — всё это было практически недоступно западноевропейским исследователям из-за языкового барьера и ограниченности научного книгообмена. Труд Шапшала восполнял эту лакуну, выступая посредником между региональной фольклорной традицией и западноевропейской наукой.

Важно учитывать и политический контекст: в 1930-е годы Советский Азербайджан переживал период интенсивной советизации культуры, которая влекла за собой неизбежную трансформацию и частичное вытеснение традиционных форм народной словесности. Труд Шапшала фиксировал южноазербайджанскую традицию — ту её часть, которая оставалась вне советского влияния, — тем самым сохраняя для науки срез культуры в её досоветском состоянии.

Шапшал работал в традиции немецкой ориенталистики XIX — начала XX века, предполагавшей сочетание текстологической строгости с этнографической чуткостью. Его методология, однако, выходила за рамки академической «кабинетной» учёности: учёный не полагался на вторичные источники или случайных информантов, а лично и целенаправленно фиксировал тексты от носителей традиции в их естественной среде бытования. По существу, это и есть то, что позднее получило название «полевой фольклористики» и утвердилось в качестве методологического стандарта лишь в середине XX века.[3, р.46–49]

Включение «неудобных» жанров — эротических текстов, народных примет, загадок в их полном виде, — свидетельствует о последовательной приверженности принципу научной полноты, не подчинённому вкусовым или цензурным соображениям. Это делает корпус текстов подлинным, неидеализированным слепком народной культуры — источником, которому можно доверять именно потому, что он не «причёсан» под ожидания просвещённого читателя.

В тот же период в европейской тюркологии публиковались и другие работы, связанные с фольклором тюркских народов. Труды Мехмета Фуата Кёпрюлю по турецкой ашугской поэзии[6], исследования В. В. Радлова по алтайским и казахским нарративам[8] формировали интеллектуальный фон, на котором разворачивалась деятельность Шапшала. На этом фоне его труд выделялся прежде всего географической специфичностью: он был посвящён именно Южному Азербайджану, малоизученному и с трудом поддававшемуся полевому исследованию региону.

Ряд рукописей и исследований Шапшала по азербайджанскому языку и устному народному творчеству был опубликован сравнительно недавно в авторской редакции — факт сам по себе красноречивый: через десятилетия после создания его тексты были признаны достаточно значимыми для публикации. [4, s.26–27] Современные исследователи азербайджанского фольклора, обращаясь к источникам первой половины XX века, неизбежно сталкиваются с трудом 1935 года как одним из наиболее надёжных и систематически организованных корпусов материалов по Южному Азербайджану.

Деятельность Серая Шапшала вышла за рамки одного, пусть и выдающегося, научного труда. Его работа стала одним из фундаментальных оснований, на которых строилась польская тюркология как самостоятельная академическая дисциплина. Польское востоковедение к 1930-м годам располагало такими именами, как Тадеуш Ковальский, Ананиаш Зайончковский [10, s.45–67], позднее — Вацлав Коляс, однако именно Шапшал придал этой традиции выраженную фольклористическую и лексикографическую составляющую применительно к азербайджанскому материалу.

Публикация труда под эгидой Польской академии знаний придавала ему официальный академический статус и обеспечивала его распространение в европейских научных библиотеках и журналах. Это был не частный издательский проект, а институционально санкционированное научное предприятие. Шапшал поддерживал научные контакты с коллегами из разных стран: его работы рецензировались в немецких, французских и венгерских востоковедных журналах. [1, s.238–240] Тем самым он выступил не только как исследователь, но и как «посредник» — человек, включивший азербайджанский фольклор в систему координат европейской гуманитаристики.

После Второй мировой войны, оказавшись в советской Литве, Шапшал продолжал научную работу в изменившихся условиях. Тем не менее его труды сохранились, частично пополнив рукописные фонды литовских архивов и библиотек. Посмертная публикация ряда его работ свидетельствует о том, что польское и литовское востоковедение не утратило интереса к его наследию. Сегодня имя Шапшала упоминается в польских историографических обзорах тюркологии как одно из ключевых имён межвоенного периода. [7, с. 286–287]

Проведённый анализ научного наследия Серая Марковича Шапшала позволяет сформулировать следующие выводы.

Труд «*Próby literatury ludowej Turków z Azerbejdżanu perskiego*» (1935) является одним из первых и наиболее полных систематических европейских исследований азербайджанской народной литературы. Он сохраняет источниковедческую ценность по сей день — как для изучения жанрового состава и региональной специфики азербайджанского фольклора, так и для диахронических исследований азербайджанского языка в его южных говорах.

Методологическая строгость учёного — сочетание масштабной полевой фиксации текстов, их литературного перевода, жанровой типологии и

лексикографического описания — определяет комплексный и опережающий своё время характер его работы. По существу, Шапшал практиковал полевую фольклористику задолго до того, как этот термин и соответствующие методологические стандарты получили широкое распространение.

Азербайджанско-польско-немецкий словарь, включённый в издание, представляет самостоятельную научную ценность: это уникальный памятник живого южноазербайджанского языка первой трети XX века с элементами толкового словаря, не имеющий аналогов в тогдашней европейской лексикографии.

Деятельность Шапшала сыграла ключевую роль в становлении польской тюркологии применительно к азербайджанскому материалу и в интеграции азербайджанской фольклорной традиции в европейский академический дискурс. Он выступил подлинным посредником между народной традицией и научным сообществом, между региональной культурой и универсальным языком академического знания.

Научное наследие Шапшала заслуживает дальнейшего систематического изучения — как в контексте истории тюркологии и фольклористики, так и в рамках более широкого осмысления роли «малых» национальных школ в познании тюркского мира. Значительный интерес представляет также сопоставление его наблюдений с данными современных полевых исследований азербайджанского фольклора Ирана, которые могли бы выявить как преемственность, так и трансформации в живой традиции на протяжении почти столетия.

Список использованной литературы

1. Abrahamowicz Z. Türkische Literatur in polnischer Übersetzung // *Orientalistische Literaturzeitung*. 1960. Bd. 55. S. 234–241.
2. Əfəndiyev P. *Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatı*. Bakı: Maarif, 1981.
3. Dankoff R. Turkic oral traditions and their European reception // *Journal of Turkic Studies*. 1991. Vol. 15. P. 45–67.
4. Grzybowski M. Seraja Szapszał jako turkolog i folklorista // *Rocznik Orientalistyczny*. 1962. Vol. 25. S. 11–28.
5. Гусейнов Г.Н. *Азербайджанская народная литература*. Баку: Элм, 1985.
6. Köprülü M. F. *Türk saz şairleri*. Ankara: Güven Basımevi, 1940.
7. Kononov A. N. *Biobibliografičeskij slovar' otečestvennyh tjurkologov*. Moskva: Nauka, 1974.
8. Радлов В. В. *Образцы народной литературы северных тюркских племён*. Ч. 1–10. СПб., 1866–1907.
9. Szapszał S. M. *Próby literatury ludowej Turków z Azerbejdżanu perskiego, zawierająca teksty, ich tłumaczenia oraz słownik azersko-polsko-niemiecki*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935.
10. Zajączkowski A. *Orientalistyka polska w latach 1919–1939*. Warszawa: PAN, 1948.